

Мало кто из подростков подает официальные жалобы на пытки в органах внутренних дел.

www.iwpr.net

Улан (псевдоним) был задержан милицией в прошлом году в Октябрьском районе Бишкека по подозрению в краже сотового телефона.

15-летний подросток, которого задержали вместе с группой друзей, до сих пор отчетливо помнит причиненную травму.

Несмотря на то, что он четко дал понять, что к краже не причастен, он был сильно избит в районном отделении милиции. Хотя друзей Улана вскоре отпустили, его продержали в отделе еще 12 часов.

«После того, как мы остались в комнате одни, один из оперуполномоченных подошел ко мне, схватил за волосы и ударил лбом об стол. Потом стал бить по голове, почкам, пинать и орать, чтобы я признался в краже телефона», – вспоминает со страхом подросток.

Сразу после освобождения родные Улана отвезли его в больницу из-за полученных им травм.

Улан уже предпринял необычный шаг и подал жалобу на сотрудников бишкекской милиции. По его делу ведется расследование.

Только малая часть дел о применении пыток доходит до суда, хотя многочисленные факты указывают на то, что несовершеннолетние задержанные подвергаются физическому насилию.

В 2015 году государственный Национальный центр по противодействию пыткам Кыргызстана провел анонимный опрос среди 14-17-летних подростков, которые были заключены под стражу в изоляторах временного содержания и СИЗО.

Из 54 опрошенных 38 – это 70% – сказали, что милиционеры, следователи или работники учреждения применяли к ним пытки или физическое насилие.

Лишение сна, битье дубинками, удушение и введение иголок под ногти – лишь немногие методы работы сотрудников органов. Двоих несовершеннолетних выводили на улицу и обливали холодной водой на морозе.

В ответ на отчет, законодатели поручили министерству внутренних дел провести полное расследование.

В мае 2016 года действующий на тот момент министр внутренних дел Мелис Турганбаев приказал местным начальникам милиции ввести более строгий контроль за поведением сотрудников ведомства.

Однако Самаган Асанов, заведующий отделом превентивных посещений Национального центра по противодействию пыткам, рассказал IWPR, что последующих действий не последовало.

Пытки караются тюремным заключением на срок от четырех до восьми лет, тогда как случаи с беременными женщинами, несовершеннолетними или инвалидами могут повлечь лишение свободы на 10-15 лет.

Пытки стали уголовно-наказуемым преступлением в Кыргызстане в 2003 году. С тех пор в большинстве случаев, дошедших до суда, подозреваемых либо освобождали из-за недостаточных доказательств, либо им выносилось официальное предупреждение.

(См. [Кыргызстан: жертвы милицейского произвола ищут справедливости](#) и [Кыргызстан: Необходимо больше работать против милицейского произвола](#)).

За пытки над несовершеннолетними был вынесен всего один приговор милиционерам.

В марте 2014 года двух милиционеров признали виновными в жестоком обращении со школьниками в попытке получить признания. Нурбек Асанбай уулу и Шекербек Эрмеков из Базар-Коргона Джалал-Абадской области Кыргызстана были приговорены к 11 годам тюрьмы каждый.

Количество жалоб на пытки среди взрослых в Кыргызстане выросло с 199 в 2014 году до 231 в первой половине 2016 года.

По последним статистическим данным Генеральной прокуратуры, 231 взрослый подал жалобы на пытки в первой половине 2016 года. Около 200 жалоб были отклонены. Было возбуждено восемь уголовных дел против сотрудников милиции.

Айдар Сыдыков, юрист общественного правозащитного фонда «Голос свободы», говорит, что причина такой разницы между количеством жалоб и количеством судебных дел ясна.

«Они [система] оказывают давление на родственников или самих жертв пыток. Также у нас были случаи, когда сотрудники правоохранительных органов преследовали своих жертв [которые подавали жалобы] и подбрасывали им наркотики», – рассказал Сыдыков в интервью IWPR.

Несовершеннолетние жертвы пыток с еще меньшей долей вероятности будут подавать жалобу. По словам Асанова, половина опрошенных несовершеннолетних вовсе не знали о том, что имеют право подать жалобу, если подверглись пыткам.

Только девять процентов подростков подали официальные жалобы, хотя позже и они отказались от своих обвинений.

Для детей последствия пыток могут быть особенно травмирующими.

«Если раньше ребенок считал мир безопасным, то после случившегося [пытки] он начинает думать, что мир опасен и доверять никому нельзя», – говорит Перизат Асылбаева, клинический психолог НПО «Лига защитников прав ребенка».

«Пытки имеют и психологические последствия в виде бессонницы, кошмаров, депрессии, апатии и, наоборот, агрессии по отношению к окружающему миру», – продолжает она, добавив, что плохое обращение может привести к тому, что подросток встанет на преступный путь.

Азамат Абдрахманов, начальник отдела по делам несовершеннолетних Главного управления общественной безопасности МВД, рассказал IWPR, что министерство лоббирует поправки к уголовному кодексу, которые запретят допрашивать несовершеннолетних в ночное время.

Общий надзор также будет усилен, добавил он.

«В четырех УВД Бишкека установлены камеры видеонаблюдения, – продолжает Абдрахманов. – Все допросы ведутся под запись».

Кыргызстанский правозащитник Нурбек Токтакунов, который начинал свою карьеру в качестве следователя, рассказал IWPR, что таких мер, безусловно, недостаточно.

По его словам, от милиции требуют повышения ежемесячных показателей раскрываемости преступлений.

Это значит, что они перешли к физическому давлению для выбивания признания,

независимо от возраста задержанного. Опрос Национального центра по противодействию пыткам также выявил, что милиционеры иногда берут взятки, чтобы закрыть дела о мелких преступлениях несовершеннолетних.

«Для них [милиционеров] [задержанные] – это преступники, галочки в графе “раскрываемость” и возможность поработать на свой карман», – говорит Токтакунов.

Тетя Улана, пожелавшая остаться неизвестной, рассказала IWPR, что Октябрьское районное отделение милиции Бишкека трижды отклоняло в регистрации ее жалобы на жестокое обращение с племянником.

Прокуратура Октябрьского района Бишкека приняла ее жалобу только после того, как она предупредила их, что будет жаловаться в вышестоящие инстанции.

Несмотря на ряд консультаций у психолога, Улан до сих пор не может забыть о случившемся в тот день.

«Бояться начал. Иду по улице и думаю, может опять кто-то хлопнет, опять что-нибудь повесят. А раньше спокойно гулял допоздна, – продолжает он. – Сейчас увижу милиционера или патрульную машину, останавливаюсь и стою, пока не проедет».

Мадина Шералиева - журналист из Бишкека. Дополнительная информация была предоставлена журналистами, прошедшими тренинги IWPR в Кыргызстане.

Данная статья произведена в рамках проекта IWPR «Формирование практики журналистских расследований для продвижения демократических реформ», осуществляемого при финансовой помощи Европейского Союза.

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.